

Рассматриваются теоретические принципы исследования стратегии развития России, утверждается значение системного подхода в теоретическом анализе, подчеркивается уникальность российского пространства. Сравнивается формирование российского социального пространства, его констант и переменных с аналогичными процессами в европейских и неевропейских странах. Анализируется понятие стратегии, ее характеристики и отличие от политики. Проводится последовательное описание российского социального пространства – пространства страны, пространства регионов, пространства жизни как уровней социальной организации страны, делается акцент на значении коммуникационного каркаса.

Ключевые слова: стратегии; пространственное развитие; российское пространство; человеческий капитал; политика; идеология; культурные ценности; агломерации, системный подход; уровни социального пространства; мегапроекты; альтернативная экономика; социальная инфраструктура; коммуникации; мегазоны; моноцентрическая и полицентрическая организация пространства; город; урбанизм. /

The article reviews theoretical principles of researching the development strategy for Russia, underlines the significance of the system approach in the theoretical analysis and features the uniqueness of the Russian space. It compares the formation of the Russian social space, its constants and variables with similar processes in European and Non-European countries. The article analyzes the notion of strategy, its characteristics and how it differs from policy. It consistently describes the Russian social space – the space of the country, the space of the regions, the space of life as the levels of social organization of the country. It underlines the importance of the communication framework.

Keywords: strategies; spatial development; Russian space; human capital assets; policy; ideology; cultural values; agglomerations; system approach; levels of social space; megaprojects; alternative economics; social infrastructure; communications; megazones; monocentric and polycentric organization of the space; city; urbanism.

О стратегии пространственного развития / On the Spatial Development Strategy

ТЕКСТ

Андрей Бокков /
text
Andrey Bokov

1. Пространство как система

На каждого гражданина РФ приходится около 12 га земли, т. е. приблизительно 40 га на семью. И это огромное, феноменальное богатство, полученное в наследство от предков, используется не самым разумным образом. Более того, нередко оно ощущается как обременение, поскольку природно-климатические особенности и гигантские расстояния исключают возможность следования успешным европейским практикам, за которыми мы многие годы ревниво наблюдаем. Между тем упорными, непрерывающимися усилиями сменяющихся поколений Россия сформировала собственное уникальное пространство, не уступающее ни в качестве, ни в темпах его создания «новым» неевропейским странам с обширными территориями вроде США, Канады, Бразилии, Аргентины и Австралии. Особенностью российского пути на всех его этапах, включая и имперский, и советский, было доминирующее участие государства, опиравшегося на представления выдающихся деятелей и мыслителей, политиков и ученых вроде С. Витте, П. Столыпина. В. Вернадского, Н. Кондратьева, А. Чаянова и им подобных.

25 лет назад, впервые за ряд столетий, российское государство отказалось от прямого участия в пространственном развитии страны, причем сделало это в период радикальных изменений, когда делать подобное явно не следовало. За немногим более четверти века Екатерина II перепланировала почти все города империи; 25 лет потребовалось на строительство Транссиба и КВЖД со всей сложнейшей инфраструктурой; менее 25 лет ушло на социалистическую предвоенную индустриализацию. 25 лет назад государство передоверило свои полномочия рынку.

Шок от распада империи, разочарование в советских методах управления, недооценка пространственного развития и непонимание самой природы российского пространства привели к тому, что многие заботы с федерального уровня были переданы на региональный и муниципальный. А отсутствие на местах реальных средств развития, реальных полномочий, ограниченных впоследствии новым Градостроительным кодексом, привели к всевластию быстро окрепшего и ставшего едва ли не местным монополистом крупного застройщика-землев-

ладельца. За исключением государственных мегапроектов вроде сочинского и владивостокского, все, что сделано или не сделано за последние четверть века, есть результат деятельности застройщика, поддержанного местной властью.

Кажущиеся гармония и порядок советских времен поддерживались системой жестких регуляторов, включая институт прописки. Новые регуляторы на место старых не пришли. Сдерживаемые ранее диспропорции стали нарастать. Более того, именно диспропорции в развитии столиц и регионов, крупных и малых городов, западных и восточных территорий стали источником и инструментом обогащения застройщика, вкладывавшего средства в дорогое коммерческое жилье больших городов, не заботящегося о развитии инфраструктуры и фактически эксплуатирующего скромное советское наследие.

Смутная, до конца не осознанная, трудно признаваемая, но вполне очевидная неудовлетворенность достигнутым результатом как общества, так и власти, да и самого бизнеса, прежде всего малого и среднего, породила небывалый, не отмечавшийся раньше рост интереса и к своему ближайшему окружению, и к судьбе российского пространства в целом. Следствием этих настроений становится постепенный возврат государства на положенное ему место «пространственного стратега».

В основании стратегий лежат ценности и цели. Ценностью принято считать всеобщее благо, представление о котором, как показал опыт прошлого столетия, может меняться. Целями оказываются достижимые, предполагаемые к достижению версии этого блага. В СССР всеобщее благо ассоциировалось со всеобщим равенством, понимаемым вполне буквально, на уровне квадратных метров жилой площади, а стратегической целью было «светлое будущее» или коммунизм, постепенно превращавшийся в «реальный социализм».

События двадцатипятилетней давности привели к отказу от советских целей и моделей пространственного развития, и страна стала жить «как все», как она жила до 1917 года, т. е. руководствуясь не догмами и утопиями, но некими общими закономерностями, следуя им на свой до конца не выстроенный и неосознанный манер. В роли новых целей стали выступать показатели ВВП и высокое

положение в рейтингах. Место ценностей оказалось практически вакантным. Жить по-новому и строить новую стратегию оказалось не так просто.

На протяжении всей своей истории Российское государство стремилось управлять процессами расселения, то закрепляя граждан на земле, то, напротив, бросая их на освоение новых пространств. И в царские, и в имперские, и в советские времена процессы закрепления и переселения шли постоянно и параллельно, как правило, вопреки воле и желаниям людей, порождая ощущение неукорененности и неустроенности. На памяти ныне живущих – отсутствие паспортов у крестьян, уголовное преследование за уход с производства, прописка, лимит на работу в большом городе, стройки пятилеток, ГУЛАГ, война, эвакуация, переселение неблагонадежных народов, наконец, целина, БАМ, новые наукограды и моногорода.

Реакцией на жесткое регулирование советских времен стала нынешняя стихийная миграция, в том числе трансграничная. Конечными целями миграционных маршрутов становятся столицы, их окружение и южные регионы страны.

Фигурантами, участниками перемещения в столичные центры оказываются представители региональных элит, наиболее активные и образованные, отказывающиеся от роли местных лидеров, лишаящие провинцию столь необходимого интеллектуального потенциала.

Фоном миграционных процессов становится стабилизация численности населения страны, сокращение доли трудоспособных, рост числа пенсионеров и инвалидов. Неизбежными следствиями этого оказывается приток гастарбайтеров, постепенное изменение этнического состава, снижение уровня образования и квалификации. Портрет российского общества и состояние рынка труда приобретают новые черты.

Константами стратегии пространственного развития остаются размеры территории и численность населения страны. Стратегически важными переменными становятся обустроенность пространства и качество «человеческого капитала», уровень образования, производительности труда, квалификации, продолжительность жизни и трудоспособного возраста. Малая численность населения с успехом компенсируется более высоким уровнем подготовки, умениями и ответственностью индивидуума. Источником новых идей и изобретений являются не многотысячные коллективы: высокотехнологичные продукты создают не солдаты трудовых армий. Это значит, что альтернативы «человеческих индустрий», росту «человеческого капитала», развитию образования и здравоохранения, обеспечению возможностей самореализации, повышению качества жизни и среды у современной России нет. Российский гражданин должен, наконец, открыть для себя преимущества «седлого» образа жизни, преимущества свободной миграции. Главное – понять, как при этом будет выглядеть пространство страны и поверить в то, что месторождения людей обладают не меньшей ценностью, чем месторождения нефти и газа.

Стратегия обращена в обозримое будущее и предлагает средства и маршрут движения к намеченной цели, который обычно разделяется на отрезки: краткосрочные, от 3 до 5 лет, среднесрочные – до 10 лет и долгосрочные – 25–30 лет.

Определение целей и маршрута или альтернативных маршрутов сопровождается точным диагнозом стартового положения, текущего состояния и породивших его процессов. После четвертьвекового периода «внестратегического» существования России предстоит выбор из весьма ограниченного набора вариантов, в которые входят стратегия кардинальных, радикальных или «прорывных» шагов, стратегия «пассивного поддержания» и популярная на Западе стратегия «устойчивого развития».

Несмотря на очевидные риски скатывания к «пассивному поддержанию», этот вариант означает стратегический проигрыш. Не более адекватна нынешнему состоянию российского пространства стратегия устойчивого развития, которая объединяет и мирит трудно совместимое – стабильность, равновесие, покой с движением, обновлением и совершенствованием. Делается это во имя того, чтобы избежать повторения кризисов и конфликтов, имевших место в прошлом. Это результат работы над ошибками, результат анализа событий, глубоко и комплексно изменивших облик современного города и его окружения. Лондон и Париж, Нью-Йорк и Сингапур, признанные города-лидеры, выбирают путь устойчивого развития после преодоления тяжелого кризиса, после восстановления баланса и устранения болезненных диспропорций. Переход к устойчивому развитию оказывается возможным лишь тогда, когда достигнутый высокий уровень показателей сочетается с отсутствием серьезных внутренних противоречий и проблем.

В 70-е годы прошлого века, несмотря на декларируемое отличие социалистических городов и социалистической системы расселения от капиталистической, генплан Москвы 1971 года основывался на принципах, которыми в это же время руководствовались в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. Наступивший застой сделал невыполнимым то, что оказалось под силу политическим конкурентам. Проблемы оставались нерешенными и в тот период, когда на путь радикальной модернизации встал соседний Китай.

Природу, сущность стратегии проще установить, сравнивая ее с политикой, упоминаемой не реже. Исходя из наблюдений за разного рода упоминаниями, стратегии отводится более высокое место, чем политике. Политика следует стратегии, способствует ее реализации. Стратегия стремится быть общенациональной и общепризнанной. Стратегия одна, политик много. Проводниками, субъектами собственной политики могут быть группы и сообщества, включая государство и власть. При этом в основании политик стратегия может не пребывать или присутствовать в свернутом, скрытом виде. 25 лет фактическая, реальная политика пространственного развития осуществлялась в России вне и помимо стратегии, в соответствии с меняющимися возможностями бизнеса. Политика способна и обязана меняться, стратегия стремится к стабильности.

Политика конкретна и соткана из шагов, процедур и действий, часто сравниваемых с игрой, напоминающих игру. Политик обязан быть тактиком, у него есть партнеры и конкуренты; политики выигрывают сражения, стратеги – войны. Наконец, политика может не подчиняться стратегии, противоречить ей, как реальность может противоречить концепции, и не совпадать с мечтой. Стратеги предпочитают императивы, политика есть «искусство возможного», и если стратегия озабочена будущим, то политика увлечена настоящим. Политика отражает приоритеты и интересы, в фокусе которых деньги и власть – самые популярные категории практической экономики и актуальных общественных отношений. Стратегия определяется ценностями и целями, категориями более общими, устойчивыми, фундаментальными и высокими, принадлежащими не столько области повседневно-материального, сколько тому, что принято связывать с духовной культурой и ментальностью общества. Происхождение, генезис целей и ценностей приводит к тому, что в стратегиях они не всегда упоминаются. Отсутствие внятно изложенных целей и ценностей, по сути, заменяет стратегию политикой, что указывает либо на то, что фундаментальные мотивы отсутствуют, либо на то, что они скрыты или не вполне осознаны.

Между тем и собственно хозяйственная жизнь, и пространство расселения, которое все чаще ассоциируется

с культурным ландшафтом, трудно понять и объяснить вне социально-культурного контекста, аккумулирующего, как правило, более устойчивые и фундаментальные обстоятельства, чем те, что лежат в основе актуальной экономики, экономической конъюнктуры. Цели и ценности, которым явно или неявно подчиняются и экономическая стратегия, и развитие ВПК, и стратегия пространственного развития, возникают и формируются внутри культуры, приобретая очертания «идеологии».

Культурные или идеологические процессы развиваются медленно, культурные механизмы консервативны, культурные ориентиры меняются постепенно, увлекая за собой столь же инерционное пространство. Инерционность культуры и культурного ландшафта служат гарантией сохранения и устойчивости базовых условий обитания, испытывающих постоянное давление экономики. Локализация и внутренняя структура городов, связи между ними, не меняющиеся столетиями, определяют облик континентов и обнаруживают большую стабильность, чем границы государств, политические системы и экономические уклады.

Сложившееся пространство, сложившаяся система расселения оказываются основой, на которой реализуются любые программы развития, которая проступает сквозь самые радикальные планы преобразования окружения. Старые города, в том числе малые, имеющие, казалось бы, немногие основания для выживания, оказываются более устойчивыми, чем новые моногорода, получившие исключительную поддержку советского государства и бывшие предметом его особого внимания. Старые поселения, лишенные видимых экономистами источников существования, продолжают жить вопреки предсказаниям, подтверждая, что главным производимым ими продуктом является среда и связанный с ней образ жизни, остающиеся важнейшими культурными ценностями.

Культурные ценности тесно переплетены с природными ценностями и, по сути, представляют единый культурно-природный массив, единый ландшафт, единый «каркас», значение которого для судеб российского пространства не меньше того, что отводится размещению производительных сил. Внутри этого каркаса есть место и малому городу, и селу, и деревне, и усадьбе. И именно этот каркас, этот ландшафт пребывает в состоянии депрессии, постоянно наносимых травм и непрерывных невозможных утрат.

Сохранение и использование богатств природы и культуры, превращение пассивов в активы – задача новых культурных и эко-индустрий, становящихся источником новых богатств и новых инструментов развития. Инструменты эти хорошо известны и широко используются в странах ЕС. Это зеленые, ресурсосберегающие технологии, строительство из местных материалов, производство органических сельхозпродуктов, поддержка традиционных промыслов, малого бизнеса – все то, что можно определить понятием «альтернативная», региональная или «малая» экономика.

Культура определяет облик так называемых «человеческих индустрий», обеспечивающих рост «человеческого капитала» – образования, здравоохранения и множества сопровождающих их производств. Все более популярным и востребованным оказывается культурный продукт, имеющий нематериальную форму информации или услуги, дающей впечатление и переживание. В отличие от массового индустриального изделия такой продукт носит адресный характер, он уникален, предполагает возможность выбора и соучастия.

Культура меняет характер труда и хозяйственных отношений, гуманизируя традиционное производство, интегрируя его в ткань поселений и природный ландшафт. Рыночная экономика по своей сути ориентирована на потребителя и гораздо более зависима от культурных норм и предпочтений, чем экономика государственная.

Поезда, самолеты, дома, автомобили, одежда эволюционируют под влиянием культурных образцов и меняющихся культурных лидеров. Одним из самых востребованных, самых потребляемых продуктов является среда, собранная из материала природы и культуры.

Место, отведенное целям и ценностям пространственного развития, сегодня заменено материалом самого различного происхождения, не связанным в нечто единое и непротиворечивое. Самым влиятельным, но далеко не самым популяризируемым компонентом реальной политики или квази-стратегии является стихийной прагматизм, носителями которого выступают упоминавшийся крупный застройщик-землевладелец и его союзники во власти. В их представлении правильным и заслуживающим поддержки является все то, что гарантирует максимальную прибыль здесь и сейчас.

Следующим компонентом является открыто или скрыто используемый и специфически, избирательно адаптируемый «мировой опыт» или «зарубежные позитивные практики», породившие, в частности, повышенный интерес к агломерациям.

Третьим источником современных представлений о пространственном развитии является советское наследие, по-прежнему оказывающее сильное влияние на настраивание правящей элиты, лиц, принимающих решения. XX век подарил иллюзию возможности осуществления планов усилиями государства – любых, сколь угодно фантастических стратегических планов, вдохновленных социальными утопиями самого радикального свойства. СССР последовательно брался за осуществление трех гигантских проектов, предполагавших переустройство всей страны и напрямую определявших жизнь каждого. Проект 1922–35 годов, изложенный языком русского авангарда, сводился к построению Нового мира, к индустриализации и коллективизации, новым городам и новому быту. Проект 1935–55 годов предпочитал вдохновленные высоким опытом прошлого пышные декорации, которыми украшались великие стройки коммунизма, реконструируемая Москва и восстанавливаемые после войны города с укрупненными кварталами и парадными магистралями. Облик проекта 1955–90 годов определили индустриальное домостроение, освоение целины, строительство моногородов, БАМа и знаменитый «триатлон»: квартира в панельном доме, садовый участок 6 соток и «жигули».

Каждый из этих проектов предполагал лишь одно альтернативное решение любого вопроса, включая выбор типа жилья и образа жизни. Слабой стороной воплощенных в жизнь утопий оказались их крайняя уязвимость и неустойчивость в ситуации ослабления государственного контроля, прямого столкновения с жизненными реалиями – всего того, что явилось следствием отсутствия обратных связей и трезвой оценки последствий.

Несмотря на неминуемое превращение в антиутопии и очевидную нежизнеспособность, утопии продолжают существовать и волновать умы. Более того, цели стратегии развития, видения будущего, его очертания строятся теми же средствами и методами, с использованием тех же культурных ресурсов, которые порождали утопии. Все дело в дозировке. Утопическое начало подобно препарату, малые дозы которого необходимы для выздоровления, а большие дозы смертельны.

Видение будущего, встраиваемое в стратегию пространственного развития в нынешних условиях, приобретает характерные черты разнообразия, вариативности, множественности, взаимодополняемости составляющих. В процессе поиска стратегии все чаще обнаруживается очевидная необходимость отказа от движения в одном направлении, по одной траектории. Путь к успеху может лежать через примирение, поиск компромисса между разнонаправленными вариантами развития.

Настало время усомниться в безальтернативности целого ряда устойчивых советских догм, исключавших возможность достижения компромисса и баланса. В соответствии с этими догмами, расселение должно покорно следовать за размещением производительных сил, а социальные процессы – подчиняться диктату экономики; значимость и вес поселений определяются числом жителей, а не тем, на что эти жители способны; большой город заведомо лучше малого, а малый лучше деревни; крупное предприятие заведомо лучше малого, а государственное управление, даже на местах, эффективнее самоуправления.

Но, подвергая сомнению идеологическое догматическое содержание советского наследия, необходимо помнить о его очевидных достоинствах, к числу которых следует отнести уже упоминавшиеся четкое видение будущего и практически утраченный сегодня комплексный, системный подход к оценке ситуаций и планированию действий.

Большинство нынешних документов, посвященных пространственному развитию, содержит перечисление одних и тех же, никак не упорядоченных и не анализируемых, хронических проблем и вызовов, к которым прилагаются зеркальные решения, не сопровождающиеся указанием принципиальных источников и характера средств.

У пространства своя природа, своя «воля», свои внутренние закономерности, не будь которых, в стратегии пространственного развития не было бы нужды. Сколь сложно ни было бы организовано пространство страны, внутри него отчетливо различаются три базовых уровня. Это уровень страны в целом, на котором определяются ее отношения с близкими и далекими соседями, формируются главные территории и коммуникационные коридоры. Это средний уровень, или уровень макрорегионов, регионов и пронизывающих их агломераций и конурбации. Наконец, это уровень пространств, в которых протекает «повседневная жизнь». Единство, взаимосвязанность, взаимозависимость всех трех уровней, когда-то принадлежавшие российской профессиональной традиции, бывшие гарантией качества принимаемых решений, ныне утрачены. Ответственность за национальное пространство сегодня поделена между различными министерствами и разными ветвями власти, которым надо заново привыкать к совместной работе.

Каждый из пространственных уровней и пространство как таковое имеют «двуслойную» организацию, т. к. могут рассматриваться как наборы элементов или как производные связей. Первый взгляд или подход условно может быть назван «территориальным», другой – «инфраструктурным». При территориальном подходе пространство выглядит состоящим из отдельных дискретных, относительно замкнутых, ограниченных больших и малых единиц, домов, кварталов, городов и районов. Территориальный взгляд более привычен, распространен и традиционен. Понадобилось немало времени, чтобы отдельные территории стали налаживать устойчивые коммуникации, строить дороги, формировать улицы, которые со временем приобрели большую значимость и ценность, чем окружающие их территориальные единицы. Границы между городами, регионами и государствами становятся все менее заметными и различными, а коммуникации все более мощными и видимыми. На основе коммуникаций возникают принципиально иные трансграничные, межрегиональные, транснациональные образования, приобретающие все больший вес и влияние.

Инфраструктура – не только коммуникации, не только транспортные и инженерные сети. Термин «социальная инфраструктура» закрепился за сетями объектов и центров обслуживания и обеспечения вроде школ, больниц, поликлиник и т. п. К сообществу инфраструктур присоединяется все большее число пространственных явлений,

не имеющих четких границ, напоминающих россыпи, созвездия, группировки, непрерывные, текучие и меняющиеся. И эти открытые, склонные к росту и изменениям новые образования являются полноценным объектом проектирования и управления.

Местом встречи территориального и инфраструктурного слоев становятся центры, центральные места, являющиеся одновременно узлами коммуникаций и фокусами территорий. Любой «центр – узел» принадлежит двум системам – своей территории и сети, объединяющей его с другими центрами. «Центры – узлы» – не острова в океане, на которых сосредоточена вся жизнь: это макушки, вершины гор, поднимающихся из огромного континента, их питающего и рассчитывающего на то, что когда-нибудь он снова будет открыт.

II. Пространство страны

Первый и главный реформатор российского пространства – царь Петр Великий видел Россию едва ли не Голландией. В последующие столетия, включая советский период, вражда и дружба, интеграция и разрыв с той или иной частью Европы оказывали самое существенное влияние на облик России. Тесная, непосредственная, прямая связь, физическая и историческая, с Европой, вне зависимости от осознания, признания и оценки этого факта, мощью и качеством отличалась от тех связей, что складывались на Юге и Востоке. Традиция диалога, соперничества, сопоставления себя с Европой повлияла на формирование устойчивых представлений, в соответствии с которыми идеальному, «правильному» пространству надлежит быть «урбанизированным», плотно заполненным и равномерно освещенным. Так или почти так выглядит пространство Старого света, Евросоюза, и его очевидное несходство с пространством российским по-прежнему порождает характерные переживания сомнения и разочарования.

Неосознанная увлеченность «Европейской пространственной моделью» вытеснила, исключила из рассмотрения другую, не менее успешную, но очевидно более близкую России модель, рожденную практикой стран Нового Света вроде США, Канады, Австралии, Бразилии, Аргентины, пространство которых освоено неравномерно и с разной плотностью или интенсивностью и далеко не полностью «урбанизировано».

Урбанизация, концентрация людей в городах не может быть самоцелью и условием успеха. Этнические гетто, криминальные районы, постоянное присутствие беженцев, бедных и безработных – неизбежные атрибуты больших городов. Многомиллионные африканские и латиноамериканские города по объему человеческого капитала или суммарному внутреннему продукту едва ли превосходят немногочисленные исследовательские и университетские центры.

СССР, страна с подчеркнуто эгалитарной идеологией, стремясь к гарантированному успеху, создавала для своих ученых особо комфортный тип среды в академгородках, мало напоминающих современные им миллионники. Стабилизация численности населения, даже падение численности, низкая плотность населения страны, наконец, немногочисленность жителей не являются приговором.

Опыт многих поколений наших сограждан установлен, что 2/3 из 17 млн квадратных километров Российской земли принадлежат Северной трансконтинентальной зоне, в которой постоянное пребывание людей затруднено. Остальная треть, в пределах которой проживает почти все население страны, делится Уральским хребтом на более освоенную западную, европейскую часть и менее освоенную азиатскую, восточную. Хотя факт существования этих «мегазон» очевиден и всеми признан, он не стал поводом к разработке взаимосвязанных, но различных «подстратегий» пространственного развития.

Гигантские усилия Советской власти по освоению северных территорий, предпринимавшиеся вплоть

до начала пятидесятых, с ликвидацией ГУЛАГа уступили место отдельным шагам и операциям. Север перестал рассматриваться как особая целостность, особое явление, и новая стратегия его развития не возникла. Освоение целины, последующий застой и перестройка выдвигали другую повестку.

Сегодня сырьевые запасы Севера играют важнейшую роль в российской экономике, и едва ли их значимость уменьшится в будущем, как и значимость особой Северной стратегии.

Основу инфраструктуры Севера составляют и в обозримом будущем будут составлять водные пути, главным из которых является Северный морской путь и воздушный океан, осваиваемые еще в прошлом веке героическими усилиями наших соотечественников, от летчиков и моряков до изобретателей удивительных и необычных транспортных средств, не нуждающихся в дорогах и не разрушающих землю. Железнодорожные и автомобильные магистрали, сложные в строительстве и эксплуатации, даже в героические и драматичные тридцатые годы прошлого века не удалось вывести за пределы локальных участков. Попытки строительства на севере домов и поселений по образцу и подобию тех, что делаются гораздо южнее, строительство вопреки обстоятельствам, не раз предпринимавшееся в прошлом, сменяется строительством, предназначенным для севера. Самой судьбой российскому Северу показаны сезонность организации жизни, вахтовый и автономный характер функционирования, дисперсное, очаговое размещение объектов, включая портовые сооружения, места добычи, лесные хозяйства и т. п. Прототипами того, что может сооружаться на севере, становятся комплексы, создаваемые учеными в Антарктиде, военными в Арктике, космонавтами в космосе, нефтедобытчиками на морских шельфах и т. п.

Нет ничего удивительного, что основными действующими лицами русского севера являются федеральные Министерства и хозяйствующие субъекты – госкорпорации и крупные частные компании, то есть экономические гиганты, представляющие определенные отрасли. Мощью и влиянием отраслевые структуры существенно превосходят структуры территориальные, интересы которых представляют раздробленные и слабые местные власти, что резко повышает риск дисбаланса. Примеры разумного поведения на севере могло бы продемонстрировать Министерство обороны, открыто заявившее о своем интересе к Арктике и Северу.

Российский Север – это, в первую очередь, хранилище огромных возобновляемых и невозобновляемых естественных ресурсов, питающих землю кислородом, водой, обеспечивающих экономическую устойчивость и стабильность. Это резерв, гарантирующий выживание следующих поколений, это ресурс более доступный, чем ресурсы Мирового океана и других планет, превосходящий по своему потенциалу то, чем располагают труднодоступные территории остальных континентов. Это стратегический запас, подлежащий надежной охране. Рекультивация территорий добычи и разработок, защита среды проживания малых народов, соблюдение режима особо охраняемых территорий – все это должно стать законом работы на Севере, который устанавливает Федеральная власть и который не под силу вводить власти местной. Восстановление и поддержание баланса интересов отраслей производства и требований охраны природы становится одной из главных тем стратегии пространственного развития Севера.

Западная и Восточная мегазоны, в отличие от относительно гомогенного Севера, отличаются чрезвычайным природно-климатическим и культурным разнообразием, что напрямую отражено в их делении на множество регионов, существенно уступающих размерами регионам Севера.

Если основой стратегии пространственного развития Западной, европейской части страны могут стать поддержание, сохранение, сбережение сложившейся системы расселения, демаргинализация малых городов, преодоление разрыва между столицей и окружением, то стратегия развития азиатского Востока предполагает усиление и укрепление системы расселения, создание социальных и хозяйственных магнитов, стимулов, способных сначала затормозить, затем перенаправить, развернуть миграционные потоки.

Структурной основой Западной и Восточной мегазон являются два хребта, два коридора, два пучка коммуникаций, один из которых идет параллельно западным границам с севера на юг, другой – с запада на восток параллельно южному контуру страны. Коридоры пересекаются в районе Москвы и сопровождаются множеством боковых, второстепенных ответвлений. Оба коридора играют ту же структурообразующую, организующую роль для Запада и Востока, какую для Севера играет Северный морской путь с его ответвлениями вдоль главных сибирских рек и выходом к Владивостоку. Развитость, связность и согласованность трех главных общенациональных хребтов, или коридоров северного, западного и восточного является не только гарантией инфраструктурной целостности страны, но, по сути, определяет ее пространственный скелет.

России предстоит совершить непростой переход от сложившейся за ряд столетий моноцентрической, «имперской» организации своего пространства к более адекватной нынешним условиям и целям развития полицентрической, или «национальной» схеме. Эпитет «национальный» заимствован из международной лексики и обозначает здесь принадлежность не к некоей этнической группе, но ко всему сообществу граждан страны в равной мере. Полицентрическое пространство предполагает выравнивание возможностей столицы и регионов, сбалансированность развития больших и малых населенных мест, высокий уровень насыщенности связями. Такое пространство формируется сегодня независимо от политического и хозяйственного устройства стран, стремящихся к лидерству. Оно лучше приспособлено для обеспечения межрегиональных и межотраслевых программ, более успешно вбирает самые разные типы территорий и поселений, отводя каждому свое место и не игнорируя ни одного из участников.

Моноцентрическая, «звездообразная» схема, при которой все основные связи практически безальтернативны и идут через один главный узел – Москву, уступает место схеме «сетевой», со множеством узлов и целым рядом альтернативных маршрутов, обеспечивающих большую надежность и устойчивость логистической конструкции в целом.

Особую ценность приобретают узлы, расположенные как внутри сети, так и на внешнем контуре; сегодня, за немногими исключениями, они выражены слабо или почти отсутствуют. Нынешний российский коммуникационный каркас отмечен очевидной незавершенностью, отсутствием развитых «якорей», выходов во внешний мир, морских портов и трансграничных переходов, обязанных заменить те, что остались за пределами страны. Широкий коридор, начинающийся западнее Москвы, должен завершаться созданием с одной стороны – Калининградского узла, с другой – Дальневосточного, сопоставимого по мощности с конкурентами по балтийскому и Тихоокеанскому региону. Меридиональному, европейскому коридору потребуются эффективные выходы к северным морям – Белому, Баренцеву и к южным – Черному и Каспийскому. Развитие морских портов должно сопровождаться появлением портов сухопутных, трансграничных узлов на железнодорожных и автомагистралях, идущих на запад, в Европу, и на юг, в Иран и Китай. Каждый из этих

портов и ведущих к ним коридоров могут и должны стать поводом для развития регионов, считающихся наиболее важными в стратегическом отношении, и основой новых логистических схем.

Принципиальной особенностью сухопутных и морских переходов и портов, окружающих их территорий становится сотрудничество с соседями, обеспечение условий для заинтересованного участия всех, включая Евросоюз на западе и Китай на востоке. С создания таких узлов и зон в Шэнчжэне и Шанхае начинается подъем Китая, таким местом когда-то была Одесса с легендарным Порто-франко.

Коридоры расселения и размещения производительных сил – не метафора; это неформализованные, но вполне реальные пространственные образования, основой которых являются сгустки транспортных и инженерных коммуникаций. Внутри коридоров на базе коммуникаций собираются производства, нуждающиеся в устойчивых и постоянных связях, выстраиваются производственные цепи, возникает межотраслевое сотрудничество и межотраслевая конкуренция. И все это поверх территориальных границ, нередко помимо и вопреки интересам территорий.

Отраслевые министерства управляли советской страной, создавая под себя систему расселения, строя моногорода и организуя герметичные структуры, построенные на самообеспечении всем необходимым, включая жилые дома и продукты питания. Эта традиция во многом унаследована нынешним российским бизнесом, заметно превосходящим мощью и организованностью территории и их власти. Определить способы, пути и средства координации усилий отраслей и территорий придется заново, причем без Госплана и без Госстроя.

Создание полноценного и современного коммуникационного каркаса снижает давление на столицу, на столичный регион и европейскую часть страны, создает условия развития региональных и макрорегиональных пространственных систем, их движение до уровня участников общенациональных, международных и мировых процессов.

Впервые за последние три столетия Москва оказалась в трехстах километрах от западной границы и заметно отодвинулась от воображаемого «центра тяжести» российской земли. Это сравнительно новое и не вполне еще осознанное обстоятельство, с одной стороны, не позволяет Москве считать себя «окном в Европу», а с другой – усложняет ее восприятие и успешное функционирование в роли центра национальной территории. Хроническое отставание в развитии восточных регионов, удаленность столицы от самых проблемных и, одновременно, привлекательных и перспективных регионов, нуждающихся в особом внимании и участии, таит вполне реальные геополитические риски. Эти риски не уменьшаются ни с развитием информационных технологий, ни с увеличением скоростей на транспорте. В поисках стратегического ответа, наблюдая примеры новых неевропейских стран, столицы которых не являются самыми крупными городами, в рамках стратегии, можно вернуться к «запретной» теме переноса российского федерального центра поближе к границе Европы и Азии.

III. Пространство регионов

Территориальное и отраслевое, общенациональное и местное соприкасаются и пересекаются на уровне регионов и параллельных им инфраструктурных образований. Этим определяется особая координирующая, медиативная роль этого уровня в системе национального пространства.

Любая территория, очерченная границами, имеющая центр управления и регулирования, стремится к относительной закрытости, самодостаточности и независимости. К числу таких территорий относятся российские макрорегионы и регионы, входящие в их состав.

Именно макрорегионы – Центральный, Северо-Западный, Поволжский, Южный, Уральский, Сибирский, Дальневосточный ощущаются основными частями страны, следы которых так или иначе присутствуют в делении на административные округа, военные округа и экономрайоны. По характеру пространственной организации макрорегионы можно поделить на моноцентричные и полицентричные. К моноцентричным, имеющим выраженный, доминирующий центр, относятся Центральный макрорегион с Москвой и Северо-Западный с Санкт-Петербургом. Остальные округа располагают несколькими, близкими по весу конкурирующими центрами. И если в первом случае макрорегион представляет собой единую сферу влияния, в которую входят регионы, то во втором случае регионы оказываются более самостоятельными и независимыми.

Черты моноцентричности и полицентричности обнаруживает и пространство регионов, с той лишь разницей, что регионов с выраженной полицентричностью в стране не так много. Признаком полицентричности региона служит не только присутствие конкурентов (вроде Сочи и Краснодара или Дербента и Махачкалы), сколько относительная самодостаточность, самообеспеченность его частей.

Обычный российский регион состоит из районов, возглавляемых малым городом, вокруг которого сосредоточены земли разного назначения – главный ресурс, недооцененный и толком сегодня не используемый. Именно земли в свое время питали малые города, которые во многом определяли использование земель и обеспечивали относительную завершенность локальных хозяйственных циклов.

Малым городам и селам по сей день принадлежит уникальная роль связей большого города и сельскохозяйственных, природных и рекреационных территорий. Именно малые поселения обеспечивают единство, обжитость, целостность российского пространства. Они, а не миллионники являются основой создававшегося столетиями реального пространства страны, ее культурного ландшафта и культурного потенциала.

Поддержка и развитие малых городов, сел и их окружения не могут считаться актами благотворительности или случайными жестами со стороны власти: это вклад в будущее, в том числе будущее больших городов. Из жертв и пасынков системы расселения «периферийные» поселения становятся полноценными участниками складывающегося разнообразного и сложного мира. Их возрождение, как и возрождение российских регионов, может начаться лишь с возвратом в хозяйственный и культурный оборот главного ресурса – земли, работающей в интересах современной и традиционной сельскохозяйственной индустрии, используемой для проживания и рекреации.

Сельское хозяйство, местная промышленность, местные энергетические и сырьевые ресурсы, местный строительный комплекс – все то, что является основой самоидентичности региона, без остатка укладывается в границы среднего, малого и семейного бизнеса. Местное, локализованное производство того, что жизненно необходимо, включая жилье и услуги ЖКХ, оказывается условием контролируемого качества, цены, сбалансированной с доходами, и устойчивым наличием рабочих мест. Хозяйство регионов тесно взаимосвязано с их социокультурными институтами, с образованием и здравоохранением, и от успеха этого сочетания напрямую зависит качество условий жизни как главного регионального «продукта».

Заботе о территориях, подъему регионов были посвящены две главные российские реформы XIX–XX столетий – крестьянская, переросшая в столыпинскую, и городская, приведшая к созданию института местного самоуправления. Даже будучи незавершенными, эти реформы обеспечили движение, начавшееся с мест усилиями самих

граждан без прямого вмешательства государства. Итогами реформ стали быстрое развитие сельского хозяйства, малых и средних городов и появление среднего класса, давшего стране и миру множество образованных, одаренных и энергичных людей, ученых, промышленников, деятелей науки и искусства, военных и чиновников.

С приходом советской власти регионы и территории быстро утрачивают самостоятельность, результатом чего становятся и «колбасные» туры эпохи застоя, и драматический разрыв между столицей и провинцией. Героическая попытка Н. Хрущева с помощью совнархозов и параллельных им партийных структур выровнять положение городов и сел, городского и сельского населения, повысить влияние региональных местных органов власти, сбалансировать силы территорий и отраслей результата не имела.

Немногими регуляторами, унаследованными от советского прошлого и явно не вписывающимися в рыночную модель, являются бюджетные субсидии и дотации. Основная часть собираемых налогов отправляется в центр, откуда средства возвращаются в регионы, большинство которых носит сегодня клеймо «дотационных». Продолжается поедание кур, способных нести золотые яйца.

Инфраструктурная версия того, что происходит на уровне российских макрорегионов и регионов, обнаруживает присутствие разного рода скоплений, сообществ населенных мест, резко контрастных обширным незаселенным пространствам страны. Эти сообщества особенно примечательны, поскольку инструментами быстрого освоения огромных российских территорий могли быть в первую очередь относительно самостоятельные малые и средние города, сельские поселения, постепенно, с трудом налаживавшие связи друг с другом. Европейские страны и Китай развивались в более устойчивых границах, на меньших и более населенных землях, что естественно приводило к концентрации активности и образованию больших городов, ставших впоследствии агломерационными центрами. Хорошо освоенные территории Китая и Евросоюза располагают развитой, сходной по геометрии, сетью магистралей с характерными треугольными ячейками, стороны которых измеряются несколькими сотнями километров или несколькими часами езды. В вершинах этих треугольников находятся агломерационные центры, из которых расходятся полосы и цепи малых населенных мест и местные дороги. Встречающиеся, сходящиеся, переходящие друг в друга агломерации образуют относительно равномерную непрерывную и единую сеть, вбирающую почти все обитаемые места.

Российское обитаемое пространство, как и пространство стран Нового Света, в сравнении с европейским более растянуто и разрежено. Плотные и крупные пространственные сгустки возникают здесь, скорее, как исключения, что, несомненно, делает их особо ценными, весомыми и значимыми.

Самыми известными «мегалополисами» Нового Света являются сообщества агломераций восточного и западного побережья США, имеющие характерные линейные очертания. В России образования такого рода лишь намечаются на Юге, на Урале, в Поволжье, на пути из Петербурга в Москву. В будущем они, возможно, приобретут сходство не столько с американскими прототипами, сколько с проектируемым скандинавским коридором, который ожидаемо пройдет от Осло до Копенгагена.

Материал, который может входить в тело мегалополисов, а может существовать отдельно, представляет собой локальные поселения или системы взаимосвязанных поселений, разного вида и разных размеров. Системы поселений принципиально отличны от локальных образований и наделены несравнимо большими возможностями и устойчивостью. В их пространстве осуществляются не только суточные, недельные или сезонные миграции,

но и процессы концентрации и деконцентрации населения, движение из города в город, движение за город и в город. Это движение позволяет разнообразить и менять образ жизни в пределах привычного и понятного ареала, внутри которого одновременно с людскими потоками по тем же маршрутам перемещаются места приложения труда, учебы, центры обслуживания, офисы и производственные предприятия. Системы поселений – это не только урбанизированные пространства или пространства сугубо городского образа жизни – это экспозиции самых разных сред. Предлагая возможность выбора, обеспечивая связь с природой и городской комфорт, такие системы практически избавлены от характерных недостатков тех крайностей, которые некогда ассоциировались с городом и деревней.

Существующие системы поселений можно поделить на две группы, условно назвав одни «агломерациями», а другие «конурбациями». Конурбацией или групповой системой расселения принято считать сообщество двух и более близких по параметрам населенных мест с их окружением. Агломерациями, которые с недавних пор стали вызывать повышенный интерес, принято считать крупный город или центральное место, окруженное тесно с ним связанными менее крупными поселениями.

Европейской моделью агломерации на роль окружения центрального места предлагаются компактные города-спутники, которыми становятся или новые города, обязанные своим появлением концепции города-сада, или возникшие ранее малые города, которые теряют прежнее значение местных центров сельскохозяйственных территорий. По сути, города-спутники становятся моногородами, городами-спальнями или городами-предприятиями, входящими в агломерации, что и обеспечивает их живучесть, в отличие от неагломерированных моногородов.

Американская модель агломерации в качестве сопровождения центрального места предполагает субурбию, пригород или квази-город, обширные территории, застроенные индивидуальными домами с землей, владельцы которых добираются до школ, клиник, торговых центров, офисов и индустриальных зон на собственных автомобилях, пользуясь разветвленной и высокоорганизованной сетью дорог и парковок.

Центральное место и его окружение, вопреки популярным представлениям, не есть нечто главное и второстепенное. Это равноправные партнеры, неспособные успешно существовать друг без друга, партнеры, один из которых более привлекателен для жизни, а другой для бизнеса. Европейская и американская агломерационные модели не только соперничают, но и обогащают друг друга. В пространстве американской субурбии отчетливо проступают тщательно сохраняемые сегодня следы старых поселений с торговыми улицами и исторической застройкой, а в Европе рядом с деревнями и малыми городами возникают индустриальные и коммерческие зоны.

Самыми крупными и самыми известными из российских агломераций считаются столичные. Их быстрый рост, приток средств, позволивший заметно поднять качество среды, благоустроить и развить город, был истолкован как подтверждение успешности агломерационной модели и породил стремление к широкому и универсальному ее использованию. Внимательная оценка этих суждений обнаруживает представления об агломерации как об очень большом городе, безразличном к своему ближайшему окружению и его судьбе. Расползающаяся периферия российской столицы – это сложный и неорганизованный конгломерат малых городов, бывших деревень, садовых участков, старых дачных поселков и новых организованных или неорганизованных, огороженных или не огороженных скоплений коттеджей; это обширные, хаотически застроенные «самопальными», кустарно изготовленными

домами, территории без инженерных сетей, без дорог и учреждений обслуживания, соседствующие с невесть откуда взявшимися гигантскими многоэтажками. Отсутствие контроля и регулирования, бытовые и технические проблемы этих территорий – свидетельство того, что признание и легализация агломераций, управление их развитием – дело непростое и нелегкое. Тем не менее, именно с агломерациями связываются многие надежды. Суть концепции, не так давно изложенной рядом государственных деятелей и удивительно схожей простотой и бескомпромиссностью с жесткими и однозначными утопиями советских времен, сводится к тому, что гражданам страны вскоре придется собраться в 15–20 многомиллионниках.

Реальным результатом исполнения этих планов неминуемо станет социально-территориальное деление российского общества на счастливых жителей больших городов и всех остальных. Все, что находится за пределами миллионников, будет принадлежать другому миру, напоминающему варварский мир в представлении древних римлян или колониальные пространства в ощущениях европейцев позапрошлого века.

Нет ничего нового в том, что города и села иногда умирают и рождаются вновь. Страшен приговор, поражающий простотой объяснений. Если жертвой индустриализации стала российская деревня, мир русского крестьянства, бывший основой национальной экономики и культуры, то в жертву новому, рыночному городу придется принести еще остающиеся малые и средние города, а миллионам семей останется искать счастье в других, далеких от их малой родины, местах.

Переселяя людей в большие города, авторы концепции не задумываются о рекультивации оставляемых территории и о том, что их новое освоение в обозримом будущем едва ли возможно, поскольку потребует, в отличие от поддержания, значительно больше человеческих и хозяйственных ресурсов, чем те, что могут оказаться под рукой в нужный момент.

На протяжении семидесяти советских лет, прямо и косвенно, сознательно и неосознанно формировался культ большого города. Большой город – колыбель пролетариата, резиденция вождей и витрина страны – был не только антиподом казавшейся вечно отсталой деревни, но и средоточием вполне реальных жизненных удобств. Сегодня этот культ питается утверждениями о том, что ВВП создается преимущественно в больших городах и растет там быстрее, невзирая на то, что реальное производство из больших городов уходит.

Россия пребывает в почетном пуле урбанизированных стран, а половину ВВП страны дают двадцать больших городов и, в первую очередь, столицы. Вывод из этих достаточно отвлеченных рассуждений вполне конкретен и сводится к тому, что раз большие города столь успешны, то именно сюда стоит направить все усилия и что, вообще, конкуренция стран уступает место конкуренции больших, «глобальных» городов.

Если допустить, что разогретый, набравший обороты механизм «управляемого сжатия» не заглохнет, не остановится на этапе создания пятнадцати многомиллионников, а продолжит работу, то спустя некоторое время всем россиянам предстоит стать москвичами. Пределов уплотнения, как показывает опыт и самой Москвы, и ее ближайшего окружения, нет.

Не касаясь сути, содержательности такого показателя как ВВП, нетрудно заметить, что в его получении участвуют не только большие города, но многие территории, образующие сложные цепочки, в конце которых оказываются крупные финансовые и административные центры. В целом это состояние характерно для стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки и менее характерно для США и Евросоюза, где вклад больших городов не столь значителен.

В отличие от немногочисленных российских миллионников, полумиллионников и образуемых ими агломераций число потенциальных и сложившихся конурбаций неизмеримо больше, и именно они способны составить основной массив новых, высокоорганизованных и адекватных систем расселения. Участники групповых систем, села, малые и средние города дополняют друг друга и делят между собой функции центрального места агломерации. Интерес к групповым системам, возникший в СССР в восьмидесятых годах и отражавший реалии российского пространства, сегодня не кажется случайным. Если число агломераций по разным подсчетам может составить от одного до нескольких десятков, то число конурбаций или групповых систем может быть на порядок большим.

IV. Пространство жизни

Пространство, переживаемое каждым на интуитивном уровне, достаточно конкретно. В отличие от пространства страны или региона оно видимо, зримо, осязаемо и, подобно пространствам других уровней, делится на два слоя – слой объектов, имеющих определенные читаемые границы, и слой коммуникации – улиц, дорог и путей разного рода, сходящихся в узлах, на перекрестках, у вокзалов и т. п. Относительно закрытые и статичные пространственные единицы, повседневное обыденное пространство традиционно организует и охватывает три уровня: места проживания отдельных семей, пространства соседств и пространства муниципалитетов. Отчетливо различимой социально-пространственной единицей может считаться муниципальное образование, или муниципалитет. У нынешних муниципалитетов множество разновидностей и наименований: городские округа, внутригородские районы и районные центры, поселки городского типа, городские поселения и т. п. Границы муниципалитетов далеко не всегда совпадают с административными границами и с границами поселений. Муниципалитетами оказываются малые города, части большого или среднего города и муниципалитеты, объединения нескольких, чаще всего сельских, населенных мест.

Теоретически муниципалитеты должны обладать осязаемыми пешеходными человеческими размерами, предполагающие уверенную ориентацию жителей, иметь четкие границы, фиксируемые естественными и искусственными рубежами, вроде береговых линий, оврагов, автомагистралей и железных дорог. Внутри муниципалитетов, как правило, имеется отчетливо выраженный центр или несколько сопоставимых по весу центров. Устойчивость муниципальных образований тесно связана с их узнаваемостью, различимостью облика, с понятным происхождением и историей, хранящей прозвища и топонимы.

Далеко не всегда муниципалитеты складываются исторически или носят естественный характер. Муниципальные структуры разрушались не одной только берлинской стеной. В советские времена их границы определялись, например, принципом доминирования среди избирателей представителей рабочего класса.

Предполагается, что власть в стране должна делиться между государством, ответственным за общенациональную региональную политику, и местным самоуправлением, ответственным за состояние пространства жизни и его качества. На практике нынешние муниципалитеты лишены и денег, и власти. Своими возможностями и полномочиями они уступают и дореволюционным земским институтам, и многим зарубежным собратьям, что становится главной причиной привычно печального состояния городов, сел и окружающей среды в целом.

Краткие периоды переуступки государством некоторых полномочий в пользу местного самоуправления, следовавшие за Земской реформой второй половины XIX века, совпавшие с хрущевской оттепелью или событиями начала девяностых, сменялись длительными

периодами недоверия к демократии малых пространств, к горизонтальным связям и самоорганизации. Общественные обсуждения и слушания по вопросам территориального развития, попытки саморегулирования различных сообществ, предпринимавшиеся в недавнем прошлом, закончились безрезультатно. Общество обнаруживало свою неготовность воспользоваться предоставляемыми правами, а власть и бизнес предпочли сохранить за собой максимум полномочий и прав.

Умами лиц, принимающих решения, по-прежнему владеют некие неопределенные образования, называемые кварталами и микрорайонами, восходящие к советскому прошлому, к поискам оптимального или идеального города и представляющие некие универсальные единицы, которые могут существовать как самостоятельные, так и служить материалом создания городов любого размера. Искушение создать оптимальный идеальный город с устойчивыми размерами, город, избавленный от недостатков и вбирающий лишь достоинства, породило и идеальный город Ренессанса, и состоящий из микрорайонов советский город, оставивший глубокий след в российской нормативной базе.

Лишение граждан прав на собственное жилище, стоящее на собственной земле, переселение в коммунальные квартиры, многоквартирные дома, пребывающие под контролем госструктур, давало Советской власти возможность прямого воздействия на каждого. Сегодня эти инструменты из рук власти перешли к девелоперскому бизнесу. Квартиры, ранее раздававшиеся бесплатно вместе с почти бесплатными услугами на их поддержание, превратились в практически безальтернативный товар, который оказывается дорогостоящим прежде всего для его покупателей.

Результатом приватизации квартир в многоэтажных советских микрорайонах и в стагнирующих городских центрах стало появление бедных собственников, в которых будут со временем превращаться многие нынешние счастливые приобретатели квадратных метров. В советские времена поддержание квартирного жилья за счет государства было нормой. Эффективность расходов, как и ухудшение состояния жилого фонда, мало кого волновало. В нынешних условиях содержание крайне затратных многоквартирных домов, оплата ремонтов, благоустройство дворов, т. е. все то, что соответствовало советской модели, становится все менее реальным. В ситуации исчерпанности финансовых возможностей и жителей, и государства, на фоне усложняющегося состояния жилого фонда в целом, все более актуальны действия стратегического характера, к которым можно отнести изменение структуры жилого фонда и поддержку института ответственных соседств.

Заемствованная на западе идея микрорайона, относительно завершенной социально-пространственной единицы, предполагала создание условий для формирования самоуправляемых соседских сообществ. Это идея, пользовавшаяся в период хрущевской оттепели поддержкой власти, получившая в свое время некое научное обоснование, так и не была реализована. Своей опорой власть предпочла считать не соседства, а производственные коллективы. Нынешнему застройщику и поддерживающей его бюрократии идея соседств также не близка. Гигантские муравейники наших дней никак не предполагают и не стимулируют возникновение ответственных, самоуправляемых соседских сообществ, а активность жителей, отстаивающих свои права, выдвигающих свои требования, своих лидеров, не встречает понимания и сочувствия.

Соседские общины, занимающие важное место между семейным домом и муниципальным образованием, являются основной базой местного самоуправления и муниципалитетов. Границы и численность соседских сообществ колеблются в значительных пределах, определяемых жителями, и возможностями сохранения прямых контак-

тов и прямого участия. Поиски оптимальной численности соседств, равно как и упорные попытки создать соседства искусственно, особого успеха не имеют. В советских коммунальках, как и в нынешних домах-муравейниках, успешное соседство не возникает. Насаждаемые сверху усилиями властей ТСЖ (товарищества собственников жилья) эффективностью не отличаются. За годы советской власти культура соседств под давлением государства оказалась полностью утраченной и восстанавливается крайне медленно. Соседские и производственно-соседские сообщества разделили печальную судьбу кооперативов, получивших былое распространение перед революцией и в период НЭПа, а закат НЭПа совпал с началом окончательного превращением граждан в скромных арендаторов государственных земель и квартир, не располагающих ни особыми правами, ни заметным влиянием. Пробуждение соседских чувств, стремление объединить усилия в целях выживания обнаруживаются в период испытаний, в моменты войн и трагедий. В мирное советское время эти чувства лишались оснований.

Коммунальные квартиры и коммунальные дворы, не имевшие доселе очевидных аналогов, ликвидировали всякие признаки приватности и частной собственности на жилплощадь и землю, бывшие основой горизонтальных соседских связей.

Защищенность, контролируемость территории, безопасность, предсказуемость являются очевидными преимуществами организованных соседств, активно препятствующих асоциальному поведению, агрессии и вандализму в жилье – признакам отсутствия нормальных связей и отношений. Соседские сообщества объединены общей локализацией и общей собственностью, лишены жесткой закрытости, конфессиональных, профессиональных, этнических или имущественных объединений. Соседство во многих странах используется как интегрирующий инструмент, способный собрать разных людей с разными доходами, разным типом владения жильем и разными культурными предпочтениями.

В российских городах и за их пределами сегодня обнаруживаются два типа территориальных жилых образований: многочисленные старые, сложившиеся в советские времена, где соседские сообщества являются скорее немногими исключениями, и новые, подчеркнута изолированные от окружения, жители которых более склонны к объединению и сотрудничеству. Неопределенность параметров и границ старых советских домовладений и территорий, невнятность их структуры, низкий уровень технического состояния домов и придомовых территорий усиливают нежелательный контраст. Все это делает крайне востребованной комплексную реконструкцию бывших советских микрорайонов, ориентированную на воспитание ответственных соседских сообществ, то есть на достижение целей, практически не упоминающихся в связи с программами реновации жилья.

В СССР на все запросы граждан касательно мест проживания давался один ответ в виде квартиры в панельном доме, который строился на севере и на юге, в городе и на селе. Нынешний застройщик, по сути, продолжает настаивать на столь же унифицированном ответе, слегка разнообразив цену продаваемых квартир и упорно борясь за повышение этажности домов и плотности застройки. Задачи социального государства в условиях рынка сводятся к тому, чтобы советский типологический стандарт жилья заменить стандартом благополучия, гарантирующим базовый неснижаемый уровень комфорта и предоставляемых услуг независимо от типа жилья, места проживания, уровня доходов и образа жизни. Адекватная структура жилого фонда означает широкий диапазон цен приобретения и эксплуатации жилья, несколько способов владения, включая собственность, коммерческую и социальную аренду, наконец, разные типы жилья, в числе

которых башенные дома повышенной этажности с апартаментами и комплексом обслуживания, многоквартирные дома с высотой, не превышающей 9–12 этажей, дома малой этажности с лифтами и без лифтов от 3 до 5 этажей и, наконец, блокированные дома и коттеджи. Активная социальная политика предполагает пространственную интеграцию разных форм владения жильем и семейств с разными доходами при условии четкого пространственного зонирования, упорядоченного размещения домов определенного типа.

Модель идеального советского города, воплощенная в Тольятти, Набережных Челнах, множестве моногородов предполагала однотипность застройки большого и малого города, центра и периферии, то есть отсутствие плотного и типологического зонирования. В наши дни упорядочению застройки, введению зонирования сопротивляются девелоперы, избегающее любых ограничений. Результатом этого становится появление в самых неожиданных местах на новых территориях и на сложившихся участках гигантских сооружений, все более превосходящих размерами их советские аналоги.

Активная градостроительная, планировочная политика предполагает использование того или иного типа домов в строгом соответствии с характером застройки, показателями плотности и локализации в пространстве города. Максимальная плотность естественна в центрах больших городов, в местах концентрации улиц и пересечения магистралей. Она обеспечивается ценой создания непрерывных высокоплотных многоуровневых подземных и надземных структур, завершаемых зданиями повышенной этажности. Далее следует пояс плотной среднеэтажной, чаще всего квартальной, застройки, вслед за которой идут более обширные и менее плотно застроенные территории малоэтажных домов и коттеджей. Большие города располагают всеми или почти всеми зонами и типами застройки; средние и малые располагают двумя-тремя зонами, а села и субурбия, или пригороды, предпочитают один тип застройки, в основе которого – семейный коттедж.

Разнообразие типов жилья вовсе не означает механического равенства больших и малых домов, квартир и коттеджей. В отсутствие исследований, посвященных предпочитаемому россиянами образу жизни, типу дома и окружающей среды, можно сослаться на опыт других стран и российскую статистику наших дней. Если в общем объеме ежегодно вводимого в стране жилья половину составляют поддерживаемые государством, банками и ипотекой многоквартирные дома, возводимые крупными застройщиками, то другую половину обеспечивает практически лишенные поддержки частные застройщики-энтузиасты и малый бизнес, пребывающий в сегменте ИЖС – индивидуального жилищного строительства.

Относительно свободный выбор места проживания, характерный для развитых стран и становящийся нормой в России, не подтверждает однозначного предпочтения большого города и городского образа жизни. Большая часть европейцев и подавляющее большинство американцев живут в домах, а не в квартирах. Эти дома, как и образ жизни их обитателей, нельзя отнести ни к категории городских, ни к категории сельских. Сбалансированный промежуточный мир, расположенный между городом и «не городом», близок и нашим соотечественникам. Причины этого не только в заботе людей о пропитании; они глубоко укоренены в аграрной по своим корням культуре страны, той культуре, которой противостоял советский культ большого города, трансформирующийся в урбанистический ажиотаж наших дней.

Едва ли не самым ярким свидетельством тяги россиян к земле становится поведение элиты, однозначно предпочитающей жизнь на Рублевке. Сходный образ жизни по целому ряду показаний предпочли бы две трети россиян, столько же, сколько проживает сегодня в собственных

квартирах. По сей день большинство граждан страны так или иначе связано с землей. Это не только сельские жители, составляющие около четверти населения страны, но и жители поселков городского типа, районов ИЖС, малых и средних городов, жители пригородов и, наконец, это владельцы дач, садовых и огородных участков, к числу которых относятся почти половина горожан, многие из которых превращают второе, сезонное жилище в первое и постоянное.

Значительная часть этого «неквартирного» фонда лишена необходимых удобств и пребывает в неудовлетворительном техническом состоянии, а его обитатели, как правило, мечтают о квартирах со всеми удобствами. Причина этого не только в неспособности людей обновлять, реконструировать и должным образом поддерживать свои дома. Поддержка ИЖС не входит в число приоритетов власти и это несмотря на то, что собственный дом был и остается в реальности и мечтах базовым, главным типом семейного очага.

Свой дом – фундаментальная ценность, одно из главных условий формирования ответственных домовладельцев, составляющих основу среднего класса и гражданского общества. Собственные дома не менее комфортны, чем квартиры, но зачастую дешевле в строительстве и эксплуатации, потребляет меньше ресурсов, меньше энергии и воды и, наконец, дом на собственной земле, в отличие от квартир на этажах, имеет устойчивую и понятную цену. Именно за это его недолюбливают крупный застройщик и нынешнее ЖКХ.

Собственный дом разделяет судьбу других изгоев – малого города и пригорода, для которых он предназначен. Их развитию препятствует позиция крупного российского застройщика, который старается любой ценой оставаться в пределах большого города, избегая затрат на развитие инфраструктуры и эксплуатирующий имеющийся культурный и хозяйственный потенциал. Тот же застройщик, но в приобретенной им сегодня роли землевладельца, «лендлорда», успешно препятствует не только установлению твердой градостроительной дисциплины, эффективному зонированию, но, прежде всего, появлению малоэтажной и коттеджной альтернативы. Искусственно создаваемый дефицит земель поселений, земель под застройку в сочетании с отсутствием со стороны государства попыток стимулировать развитие инфраструктуры – существенные препятствия пространственного преобразования и оздоровления среды жизнедеятельности россиян.

Рядом с жилыми районами, по соседству с муниципалитетами или вдали от них существуют пространственные образования другого рода, где главным действующим лицом, «актором» и заказчиком является бизнес. Это обширный класс инфраструктурных, сетевых образований, открытых, частично открытых, быстро меняющихся и динамичных. В их основе пребывают транспортно-логистические узлы, пересечения магистральных коммуникаций, вокруг которых формируются коммерческие центры, деловые районы с офисами и гостиницами, индустриальные зоны, производственные кластеры, то есть группы учреждений и предприятий, принадлежащих различным отраслям и работающих по преимуществу на внешний, внемунципальный, внерегиональный рынок. Каждый узел уникален и неповторим. Магистраль, близость которой для муниципалитета и обычного жилья недопустима, если не смертельна, для коммерческих и деловых центров жизненно важна.

Признаком развитости коммуникационного каркаса являются одновременно связанность и независимость обслуживающих муниципалитеты пешеходных путей и улиц, с одной стороны, и собирающихся в узлы автомобильных и железнодорожных магистралей – с другой. Это обстоятельство делает недопустимым присутствие характерных

для российской практики «магистральных улиц» странных гибридов, пришедших из советского прошлого, из тех времен, когда к автомагистралям относились как к парадным проспектам, но не как к сооружениям, мало чем отличающимся от железных дорог. Там, где магистралей нет, узлы не возникают, а офисам и отраслевым производствам делать нечего. Самыми известными примерами коммерческих, деловых многофункциональных центров являются комплексы нью-йоркского Grand Central, деловой центр Монреаля, парижский Дефанс, в компанию которых попадают аэрополисы – сгустки сооружений вокруг аэропортов. Сердцевинной этих образований становятся комфортабельные и разветвленные пешеходные пути, идущие вдоль конкорсов, сквозь галереи и пассажи, паркинги и остановки общественного транспорта. Между новыми быстрорастущими многофункциональными узлами такого рода и старым муниципальным центром города складываются непростые отношения – от мирного сосуществования до открытой вражды. Попытки жесткой, радикальной реконструкции исторического центра, его адаптации в интересах бизнеса, предпринимавшиеся со второй половины XIX века многими европейскими городами, постепенно дополнялись или сменялись желанием разместить новый деловой район подалее от старого центра. Примером парижского Дефанса успешно воспользовались в Токио и Сеуле, где сложились целые системы новых центров – узлов на значительных расстояниях и друг от друга, и от исторического ядра, сохранившего и развившего особенности символического, эмоционального центра всего городского сообщества.

Промышленные узлы, зоны и кластеры наших дней уходят из городских центров, из старых индустриальных районов легче и охотнее, чем офисы, а те, кто занят в промпроизводстве, добираются на транспорте. Индустриальные зоны, где разные производства объединены территорией, инженерным и транспортным обеспечением, и «кластеры», участники которых должны быть связаны технологическими, производственными отношениями, вслед за коммерческими и деловыми узлами, тесно сотрудничают с муниципалитетами, дополняют друг друга в роли ответственных за присутствие на внешнем и местном рынках.

Узлы – это ворота регионов и муниципалитетов в большое экономическое пространство, это посредники между жильем и местом приложения труда, демпферы и шарниры, теоретически делающие систему гораздо устойчивее системы советских отраслевых сетей и моногородов.

Моногорода, точнее, жилые дома с обслуживанием при предприятиях ВПК, по форме и по существу бывшие «закрытыми», оказались жертвами закрытости. Утратив поддержку государства, выпав из отраслевых производственных цепей, не став за годы существования частью местного территориального комплекса, они оказались ненужными в новых условиях. Это состояние было особенно болезненным в связи с потерей жителями моногородов прежних привилегий и отсутствия у них привычки к тем формам самообеспечения, которые знакомы обитателям малых поселений, исключенных по каким-то причинам из официального хозяйственного обмена. Выход из этой ситуации – в преодолении жесткой связанности, зависимости места работы и места проживания, в превращении жилой части в самоуправляемый муниципалитет, являющийся членом регионального сообщества, и включение производства в новые хозяйственные цепи, созданные на базе все тех же индустриальных зон и кластеров. Правильный выбор специализации является не менее надежной основой благополучия, чем размещение успешной и крупной компании, о котором мечтают многие муниципалитеты. Гарантией надежного будущего малого города становятся «человеческие индустрии». Города – крупные медицинские центры, города-курорты, города-универси-

теты, центры туризма никогда не повторяют судьбу городов на угольных месторождениях.

Самые радикальные изменения пространства жизни ближайших лет связаны с изменениями отношений дома и работы. Материальное, товарное производство становится менее человекоемким; основная масса занятых перемещается в сферу услуг, в управление, в человеческие и интеллектуальные индустрии. Значительная часть граждан трудится дома, рядом с домом, в своем или соседнем муниципалитете, в локальной экономике, в местном или соседском социуме. Другая, меньшая часть, занята в ближайших узлах либо проходит сквозь узлы в более удаленные от дома индустриальные и коммерческие зоны. Все большее число людей не имеет фиксированного места работы. Результатом этих процессов становится возникновение «новых соседств», участники которых все больше времени проводят дома или рядом с домом. Встречное движение, направленное из мест приложения труда, можно определить как социализацию или гуманизацию условий работы, становящейся более эффективной и производительной. Детские ясли и фитнес-клубы при офисах – одна из многих черт этого процесса.

Муниципалитеты и узлы, сообщество жителей и бизнес-сообщества формируют каждый по-своему окружающую среду. Муниципальная жилая среда, состоящая из семейного дома, соседства или муниципалитета, в идеале создается для себя. Эта среда консервативна: те, кто ее формируют, крайне бережно относятся к сохранению ее привычного облика. Именно в этой атмосфере возникают охранительные настроения и движения, здесь выстраиваются особые технологии реконструкции и развития пространств. Переселив бесчисленные офисы в район Дефанс, Париж берет сегодня за исторический центр. Местом внешне невидимого латентного обновления становится остров Сите. Его подземное пространство, его дворы, пустоты и чердаки обживаются и объединяются сетью пассажиров и переходов, а сам остров превращается в единое огромное сооружение, основным наполнением которого становятся не офисы, а учреждения культуры, предлагающие жителям и приезжим нечто уникальное и неповторимое.

Жилье ощущается частным пространством, соседство – пространством полузакрытым, принадлежащим группе жильцов, защищенных шлагбаумами, охраной или менее заметными знаками и устройствами. Муниципальные пространства можно определить как полуоткрытые; здесь есть свои постоянные обитатели и гости, туристы, визитеры, которые обычно не проникают дальше центральной улицы или главной площади. Культурный, социальный, символический центр муниципалитета, его лицо, его физическое материальное воплощение, то, что принято ассоциировать с «идентичностью» сообщества, имеет локальную природу, рождено местными ценностями и традициями. Муниципальные, символические, исторические центры не нуждаются в плотной или высотной застройке, им привычнее оставаться «священными пустотами» вроде центрального парка в Нью-Йорке или центральных площадей Москвы, которые оживают и становятся многолюдными в праздничные дни.

Существующий параллельно с муниципальным, мир узлов и коммуникаций, офисов и торгово-развлекательных комплексов, динамичный и современный, живет по другим, глобальным правилам, вне локального контекста, адресуясь к другим: пассажирам, посетителям, туристам, покупателям, гостям и клиентам. Интересы своих, то есть тружеников, работающих, «офисного планктона» и подобных групп учитываются с меньшим энтузиазмом. Среда узлов предполагает высокую плотность и насыщенность, интенсивность использования земли и постоянный, круглогодичный, круглосуточный режим работы.

Реальность российского пространства жизни не всегда совпадает с идеальной картиной. Очевидная слабость муниципалитетов препятствует созданию общедоступной, разнообразной и высококачественной жилой среды. Отсутствие развитого коммуникационного каркаса, сети магистралей, в сочетании со спецификой российского бизнеса, предпочитающего быстрые деньги и избегающего рисков, тормозит появление узловых образований.

В СССР вся среда создавалась практически одним субъектом – государством. Советский город можно было обвинить во многих грехах, но он был целостен, самостоятелен, вызывал уважение иностранцев и не казался провинциальным. Жесткая государственная стратегия делала его уникальным, несмотря на то, что комфорт и благоустройство приоритетами не только не считались, но в некотором смысле были презираемы.

Российские города утратили прежнюю сухость, социалистический аскетизм и идеологическую сдержанность, но не приобрели ни европейской привлекательности, ни американского размаха, ни собственного лица или естественного разнообразия. Дисциплину, жесткий порядок и специфическую гармонию советских времен сменили всевластие застройщика и хаос. Очевидная неудовлетворенность происходящим заставила государство вспомнить советский опыт и взять на себя ответственность за состояние жилой среды и ЖКХ, не доверяясь муниципалитетам и освобождая от ответственности девелоперский бизнес.

Российская программа формирования комфортной среды напоминает программы реконструкции и джентрификации пребывавших в сходном состоянии центров американских, европейских и азиатских городов с тем лишь отличием, что лучшие зарубежные программы носили комплексный характер, определяли границы ответственности и обязательства собственников, вводили твердые правила зонирования, охватывающие области архитектурного и градостроительного проектирования, решали вопросы транспортного и инженерного обеспечения. Предметом особой заботы инициаторов джентрификации становились узнаваемость, отличительные черты нового окружения, связь с историческим и пространственным контекстом. Бедность и скудость среды компенсировались появлением ярких произведений искусства, устройством новых площадей и скверов. Характерным инструментом этих акций были тщательно разрабатываемые генпланы, которые вместе с подробным описанием проекта вывешивались на всеобщее обозрение. Но главной особенностью джентрификации, как правило, оказывался запуск процесса саморазвития, самоподдержки муниципалитетов, наделение их комплексом возможностей и полномочий, к чему российская власть сегодня еще не готова.

V. Пространство будущего

Россия нуждается в установлении эффективного и адекватного пространственного порядка, нуждается в завершении пространственных преобразований, связанных с распадом СССР, с новым жизненным укладом и новыми границами. Преобразования минувшего 25-летия носили радикальный характер, но были хаотичными и неуправляемыми. Выгодоприобретателем оказался самый сильный и мотивированный субъект – большой бизнес, крупный застройщик, к сегодняшнему дню практически исчерпавший имевшиеся у него возможности увеличения объемов строительства жилья и продаж. В итоге России предстоит решить по меньшей мере две непростые стратегические задачи, которые пришли еще из советских времен и которые странам-лидерам во многом удалось решить. Это создание современной инфраструктуры, самым необходимым компонентом которой являются автомобильные и железнодорожные магистрали. И это модернизация жилой

среды, с активным участием ответственных и дееспособных муниципалитетов.

Опыт пространственного регулирования России и других стран показывает, что успешными и перспективными бывают те шаги, которые в конечном счете отвечают интересам большинства представителей и бизнеса, и общества, и государства. Такими стали Земская и столыпинская реформы, китайские реформы Дэн Сяопина. Примеры создания моногородов, целинных совхозов и ГУЛАГа не обернулись появлением сколь-либо устойчивых структур. Министерство Дальнего Востока не более продуктивно, чем конкретная свободная зона в Шэньчжэне.

Успешные стратегии предполагают синергетический эффект «попутного ветра», использование энергии естественного происхождения в достижении поставленных государством целей. Результативными проектами власти становятся те, которые поддерживаются снизу и на местах. НЭП в течение года изменил облик страны, приведя ее от голода к относительному благополучию. Половина строящегося в России жилья относится к категории ИЖС, и поддержка государства, отклик на явное желание людей жить не в квартирах, а в собственном доме – самый очевидный и короткий путь к решению проблемы жилья.

Планы развития инфраструктуры и обеспечения жильем нуждающихся пользуются всеобщим одобрением и сочувствием. Проблема в деталях, которые обеспечивают баланс интересов участников. Как показала история с московской реновацией, кажущиеся властям убедительными и привлекательными проекты на практике требуют тонкой доводки, точной настройки, понимания и учета интересов других сторон. Соблюдение баланса становится правилом пространственных игр, условием успеха действий в отношении окружающей среды. Сбалансированность интересов настоящего и будущего, больших и малых групп становится не только инструментом, но и целью развития, которую в прошлом многие назвали бы «гармонией». Попытки дать однозначный ответ на повторяющиеся вопросы о том, что важнее, город или село, показатели ВВП или продолжительности жизни, теряют смысл. Стратегически выигрывает тот, кто снимает противоречие, заставляет кажущихся конкурентов двигаться в одном направлении.

Стратегия ценна и важна не сама по себе, но своими последствиями, в том числе в сфере законодательства и нормирования, в сфере управления и планирования. Стратегия в состоянии ускорить пересмотр нынешнего Градкодекса, работающего преимущественно в интересах крупного застройщика. Стратегия может объяснить необходимость пересмотра пакета законодательных актов о местном самоуправлении с задачей расширения возможностей муниципалитетов.

Пространственное обновление вряд ли возможно в присутствии мало изменившейся с советских времен нормативной базы строительства и ЖКХ. При работе над сочинскими объектами, над Сколково или островом Русский, когда необходим гарантированный результат, сопоставимый с зарубежными аналогами, возникает необходимость отмены действующих порядков, норм и правил и введения специальных режимов. Самое удивительное, что после завершения больших проектов их опыт не распространяется далее, область применения особых режимов не расширяется, и все остается по-старому.

Некоторый оптимизм в отношении будущего нормативной базы вселяет обсуждаемая российскими парламентариями тема «стандарта благополучия». Принципы, на которые опиралась советская нормативная база градостроительства и которые не пересматриваются по сей день, сводились к единому техническому стандарту, единому образу жизни и одинаковому уровню обеспеченности для всех граждан. Норма жилой площади на человека, число коек в больницах и мест в детском саду на 1000

жителей были одинаковы на всем пространстве СССР, что на практике было недостижимо и приводило к фактическому неравенству. Равенство возможностей, равенство прав предполагает признание объективной данностью различия условий жизни и разнообразие предпочтений.

Образ жизни становится производным от субъективных, частных, переменных обстоятельств и объективных общих, постоянных параметров или стандартов благополучия. Общие стандарты уровня комфорта и доступности услуг исключают фактическое привилегированное положение большого города, избавляют всех остальных от комплексов неполноценности и второсортности. В отличие от советских предписательных норм, жестко и однозначно определявших технические характеристики городов, зданий, их компонентов и деталей, параметрическое нормирование устанавливает цели, ориентиры, социальные гарантии, за которые несет ответственность власть, государство и органы местного самоуправления. В круг стандартов благополучия могут входить предельно допустимые базовые параметры, вроде времени ожидания скорой помощи, качество и количество потребляемой воды, возможности устройства в детский сад ребенка, наличие персонального пространства для каждого члена семьи, доступность обучения и переобучения и т. д., и т. п.

Достижение этих параметров в разных условиях обеспечивается разными и нестандартными путями и средствами, поиск которых порождает нужду в инновациях. Принципы параметрического нормирования, постепенно распространяющиеся на все области функционирования и развития пространства, потребуют существенного повышения качества управленческих и проектных решений и ответственности людей, стоящих за этими решениями.

Новая стратегия рождается не на пустом месте. Она обременена накопленной инерцией последних лет, противоречивым наследием советского прошлого и фрагментами зарубежного опыта. Сквозь тексты и заявления многих нынешних лиц, принимающих решения, проступают очертания советских утопических конструкций с присущими им простыми «универсальными» решениями, вере в большой город, в экономический детерминизм, ведущую роль производительных сил и т. п. Видение завтрашнего дня при этом, как правило, опирается на картины из западной жизни, а реальность диктуется интересами большого бизнеса и отраслевых гигантов, роль которых в пространственном развитии выглядит крайне неопределенной и неоднозначной. Стратегия, направленная в будущее, рискует оказаться собранной из материала прошлого.

Нежелание власти и бизнеса терпеть какие-либо ограничения, подчиняться пространственной дисциплине, считаться с мнением профессионального сообщества привело к утверждению практически ручного управления, не нуждающегося ни в Стратегиях, ни в генпланах. Их место занимают отдельные, трудно предсказуемые шаги, каждый из которых имеет четкие круг выгодоприобретателей или инициаторов. В одних случаях это неумный застройщик, в других – возмущенный мусорной свалкой житель.

Главным адептом ручного управления становится Москва. Ее опытом присоединения новых территорий, реновации и благоустройства предлагается воспользоваться другим городам. При этом старающийся сохранить градостроительную дисциплину и соблюдающий высотный регламент Питер пропагандируется куда меньше.

Длительное отсутствие запроса на интеллектуальное обеспечение практики привело к ликвидации институтов и школ, дефициту кадров, утрате профессиональных навыков и деградации научного знания. Никого не удивляет низкое качество генпланов, генеральных схем, документов районной планировки, содержательная и методическая наивность заявлений и терминологический хаос. Едва ли не самые популярные сегодня слова «агломерация» и «среда» каждый понимает по-своему.

Создание и «имплементация» Стратегии пространственного развития теоретически открывает перед профессионалами разного рода обширные возможности как оценки ресурсов, анализа процессов и состояний, так и генерацию новых идей и адекватных концепций. Проектная работа, создание документов, подобных Стратегии и последующих за ней, предполагает участие не только представителей разных профессий, но носителей разных типов сознания, тех, кто в состоянии анализировать картину происходящего, оценить последствия принятых решений, и тех, кто в состоянии синтезировать эту картину отсутствующего, качественного нового, отличного от существующего мира.

Одни видят мир дискретным, состоящим из частей и фрагментов, другим этот мир представляется целостным и обобщенным. В междисциплинарных командах географы, экономисты, социологи, инженеры, люди, называющие себя «урбанистами», выполняют роль аналитиков, исследователей и наблюдателей. Они работают с понятиями, изъясняются словами и цифрами. Роль синтезатора, сборщика документов, имеющих пространственную природу, традиционно выполняют архитекторы и градостроители, те, кто владеет языком изображений, языком пространственных моделей и чертежей, кто мыслит образами, оперирует нерасчлененными конструкциями, в которых всегда присутствует нечто главное. Урбанисты и географы склонны рассматривать пространство как некую данность, подлежащую изучению, регулированию и оптимизации. Они легче смиряются с произволом застройщика и слабостью властей, с неспособностью преодолеть хаос, полагая многое результатом действия объективных сил. Они предпочитают отдельные частные реакции и точечные действия. Градостроитель действует в соответствии с картиной будущего, работает на опережение, расположен к преобразованиям. Географ склонен считать агломерациями бесформенные, толком не контролируемые, хаотичные, наспех и сплошь застроенные территории. В представлении градостроителя признаком агломераций является наличие управления, направленного на формирование единого коммуникационного каркаса и общих правил зонирования.

Восстановление системы научного и проектного обеспечения пространственного развития невозможно в отсутствие экспертов, то есть круга профессионально состоятельных специалистов и структур, объединяющих обучение, исследование и проектирование. Нормой работы этой системы должны стать открытая конкуренция экспертов и их внимательный и мотивированный отбор.

У сообщества носителей разных знаний и компетенций, у коллективов и отдельных лиц, в той или иной степени причастных к созданию Стратегии, есть главный ответственный заказчик и адресат – федеральная власть. Законодательная, представляющая интересы территории, и исполнительная, ответственная за состояние отраслей. Огромный потенциал, который заключен в пространственной согласованности регионов и отраслей, в развитии межрегионального и межотраслевого сотрудничества, очевидно недооценивается. Единая политика в области регионального развития с ликвидацией недолго просуществовавшего Министерства не получила сколько-либо внятных очертаний. В свою очередь Министерства, каждое из которых имеет прямое, вроде Минэка, Минстроя, Минтранса, или косвенное отношение к теме пространственного развития, остаются по советской традиции герметичными и осуществляют собственные программы пространственного развития. Крупные государственные проекты, в которых участвуют и отрасли, и территории, вроде сочинской Олимпиады, объектов футбольного чемпионата, космодрома Восточный и бесчисленных военных городков, не породили устойчивую систему координации и взаимодействия.